

III. ДИСКУССИИ

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2019-8-2-707-724>

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ
В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ —
4: ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ МЕТАФИЗИКА,
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ, ТЕОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ»
(18 — 20 апреля 2019 года, Москва, Россия)¹

АННА ШИЯН

Кандидат философских наук, доцент.

Российский государственный гуманитарный университет, философский факультет.
125993 Москва, Россия.

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

ОЛЕГ МУХУТДИНОВ

Кандидат философских наук, доцент.

Уральский федеральный университет, департамент философии.
620083 Екатеринбург, Россия.

E-mail: o.m.mukhutdinov@urfu.ru

С 18 по 20 апреля 2019 г. в Москве проходил 4-й ежегодный Международный научный семинар «Трансцендентальный поворот в современной философии: трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания». Обзор семинара отражает структуру мероприятия и представляет основное содержание докладов его участников. Приоритетной темой семинара стала проблема трансцендентальной метафизики. В рамках указанной темы были обсуждены вопросы, связанные с пониманием трансцендентальной метафизики у Канта, Гуссерля и Гартмана, рассмотрены проблемы

¹ Данное исследование подготовлено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19–011–00925).

© ANNA SHIYAN, OLEG MUKHUTDINOV, 2019

трансцендентальной и феноменологической теории сознания. Отдельное внимание было уделено актуальным вопросам трансцендентальной эпистемологии и философии науки, а также трансцендентальной теологии и этики. Семинар отличался не только профессиональным интернациональным составом, но и многообразием методологических подходов: идея трансцендентальной метафизики рассматривалась с точки зрения классической традиции, а также из перспективы аналитической и феноменологической философии. Содержание докладов семинара было посвящено исследованию феноменов трансцендентализма и идеализма, мира и сознания, трансцендентальной субъективности и интересубъективности. Кроме того, на семинаре обсуждались проблемы трансцендентального обоснования феноменологической метафизики, теоретической науки, теологии и практической философии. Семинар еще раз продемонстрировал решающую роль трансцендентального метода для развития современной философии и науки.

Ключевые слова: Метафизика, трансцендентальная философия, философия науки, феноменология, идеализм, теория сознания, трансцендентальная субъективность, мир.

THE REVIEW OF THE INTERNATIONAL
SCIENTIFIC WORKSHOP “THE TRANSCENDENTAL TURN
IN MODERN PHILOSOPHY —
4: TRANSCENDENTAL METAPHYSICS, EPISTEMOLOGY
AND PHILOSOPHY OF SCIENCE,
TRANSCENDENTAL PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS”²

ANNA SHIYAN

PhD in Philosophy, Assistant Professor.
Russian State University for Humanities, Department of Philosophy.
125993 Moscow, Russia.
E-mail: annasamoikina@yandex.ru

OLEG MUKHUTDINOV

PhD in Philosophy, Assistant Professor.
Ural Federal University, Department of Philosophy.
620083 Yekaterinburg, Russia.
E-mail: o.m.mukhutdinov@urfu.ru

The 4th annual international scientific seminar “Transcendental turn in modern philosophy: transcendental metaphysics, epistemology and philosophy of science, theology and philosophy of consciousness” was held in Moscow from 18 to 20 April 2019. The review of the seminar reflects the structure of the event and presents the main content of the reports of its participants. The priority theme of the seminar was the problem of transcendental metaphysics. Within the framework of this topic, issues related to the understanding of transcendental metaphysics in Kant, Husserl

² The work is prepared under support of RFBR project № 19–011–00925.

and Hartmann were discussed, the problems of transcendental and phenomenological theory of consciousness were considered. Special attention was paid to actual issues of transcendental epistemology and philosophy of science, as well as transcendental theology and ethics. The seminar was distinguished not only by professional international composition, but also by a variety of methodological approaches: the idea of transcendental metaphysics was considered from the point of view of classical tradition, as well as from the perspective of analytical and phenomenological philosophy. The content of the seminar reports was devoted to the study of the phenomena of transcendentalism and idealism, world and consciousness, transcendental subjectivity and intersubjectivity. In addition, the seminar discussed the problems of transcendental substantiation of phenomenological metaphysics, theoretical science, theology and practical philosophy. The seminar once again demonstrated the crucial role of the transcendental method for the development of modern philosophy and science.

Key words: Metaphysics, transcendental philosophy, philosophy of science, phenomenology, idealism, theory of consciousness, transcendental subjectivity, world.

18 — 20 апреля в г. Москва прошел ставший уже традиционным 4-й Международный научный семинар «Трансцендентальный поворот в современной философии. Трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания», организованный Государственным академическим университетом гуманитарных наук, Российским государственным гуманитарным университетом, Российским православным университетом Иоанна Богослова, Высшей школой экономики и фондом «Центр гуманитарных исследований» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-20157). В качестве основных тем семинара были заявлены: трансцендентальная (кантовская, феноменологическая, пост-гуссерлевская) метафизика; развитие и критика трансцендентализма у Н. Гартмана; кантовский проект дескриптивной метафизики; трансцендентальная теория сознания; трансцендентальная эпистемология и философия науки и т.д. Представляемый обзор дает общее представление о содержании теоретических дискуссий семинара.

Работу семинара открывала секция «Трансцендентальная (кантовская) метафизика: реализм и/или идеализм». В докладе, озаглавленном «Кантовская система идеалистических аргументов», Д. Хоган отстаивал принадлежность кантовского трансцендентализма к идеализму, исходя из идеальной природы пространства и времени как чистых форм чувственного познания. Оригинальность подхода Хогана заключалась в том, что идеальный характер пространства и времени он обосновывал с привлечением антиномий чистого разума, что давало, по словам Хогана, возможность комплексного прочтения

кантовской критической философии. В частности, Д. Хоган убедительно показал, что изложенная в трансцендентальной эстетике концепция пространства и времени, лежащая в основании различения явлений и вещей самих по себе, может рассматриваться в качестве предуведомления к кантовской концепции свободы.

Большой интерес на первом пленарном заседании вызвали доклады С. Л. Катречко «Является ли кантовский трансцендентализм идеализмом?» и М. Е. Соболевой «Кантовский миф: единство трансцендентальной апперцепции и объективная реальность». Они отстаивали позицию, противоположенную основной установке Хогана, а именно, обосновывали тезис о реализме кантовского трансцендентализма. Это означало признание существования материального мира пространственных вещей, которые мы познаем посредством явлений. Но на этом сходство позиций Катречко и Соболевой заканчивается. На вопросы «Как происходит процесс познания? Соответствует ли наше знание окружающим нас предметам?» они дают разные, иногда взаимоисключающие, ответы. Соболева утверждает, что наше знание может соответствовать окружающему нас миру, то есть вещам нашего опыта. Катречко считает, что по Канту истинное знание о пространственных вещах мира невозможно, наше знание лишь как-то соотносится с подлинными материальными вещами.

Различные интерпретации кантовского трансцендентализма вышеупомянутыми участниками Трансцендентального семинара основаны, прежде всего, на многозначности и непроясненности основных кантовских концептов: явления и вещи-самой-по-себе. В «Критике чистого разума» можно найти разные, подчас противоречащие друг другу, разъяснения этих понятий. Катречко и Соболева выбрали разные стратегии их интерпретации, и, соответственно, в их докладах по-разному представлена не только познавательная установка Канта, но и его онтологическая картина мира.

Катречко считает, что Кант под явлениями понимает пространственные тела, предметы нашего опыта. Тот факт, что они даются нам в нашей чувственности посредством форм пространства и времени, не делает их субъективными и идеальными. Катречко проводит аналогию между чувственностью и приборами, которые помогают нашему познанию мира явлений. Этот момент разъясняется на примере с телескопом. Изображение на телескопе — явление, с помощью которого мы можем что-то узнать о звездах, которые и есть в данном случае вещи-сами-по-себе. Вещи сами по себе Катречко

интерпретирует как материальные предметы, которые являются основаниями явлений и каким-то образом в них представлены. Но как именно — мы узнать не можем.

Соболева интерпретирует кантовские явления исключительно как наши представления, которые указывают на предметы опыта, то есть на внешний мир. Наше познание, то есть вынесение категориальных суждений направлено исключительно на эти явления-представления. Но мы можем соотнести наши суждения с предметами опыта и таким образом достигнуть истинного знания о внешнем материальном мире. Это, по мнению Соболевой, приводит Канта к мифу о чистом опыте, в котором нам даются предметы, как они существуют в мире. В ходе дискуссии Соболевой был задан вопрос: почему наше познание не может сразу быть направленным на предметы опыта, а должно быть обязательно познанием представлений?

Сравнивая позиции Катречко и Соболевой можно заметить, что явления как пространственные вещи в интерпретации Катречко соответствуют предметам нашего опыта в интерпретации Соболевой. Они даны в чувственности, которая не вносит ничего субъективного в данности пространственных вещей. Однако этот момент был поставлен под сомнением участником семинара О. М. Мухутдиновым. В своей реплике он обратил внимание на то, что в процессе формирования предмета в чувственности ведущую роль играет трансцендентальное единство апперцепции. Именно благодаря единству апперцепции мы мыслим мир предметно. Трансцендентальное единство апперцепции относится к рассудку и имеет субъективную природу, так как мы сами определяем, что является предметом. Для интерпретации Катречко это означает, что субъективный момент неустраним из чувственности. В случае интерпретации Соболевой трансцендентальное единство апперцепции, то есть субъективный характер формирования предметности, разрушает тезис о наличии у Канта мифа о чистом опыте, так как предметное наполнение опыта определяется субъектом.

Доклад М. Евстигнеева «С каким видом трансцендентального идеализма несовместим эмпирический реализм» — П. Ф. Стросон о «главной ошибке» Канта» был построен на анализе возражений, выдвинутых Стросоном против кантовской теории трансцендентального идеализма. Согласно Стросону, трансцендентальный идеализм Канта является избыточным, поскольку он опирается на предпосылку дуализма частного и универсального в познании с одной стороны и предпосылку принципа значения — с другой.

В докладе М. Ровбо «Кантовский трансцендентальный субъект в контексте разграничения вещи в себе и явления» была дана аналитика отношения кантовской идеи трансцендентального субъекта к связке «явление — вещь в себе». М. Ровбо показала, что трансцендентальный субъект не является вещью в себе, но обладает ноуменальной структурой. Докладчица пришла к заключению о том, что трансцендентальный субъект является абсолютно самостоятельным и глубинным аспектом в существовании субъективности.

В рамках проведенных на семинаре секций, посвященных трансцендентально-феноменологической проблематике, обсуждались темы, находящиеся в фокусе современных феноменологических исследований. Речь шла о таких принципиальных вопросах как проблема феноменологического метода, проблема интерсубъективности, проблема мира и т.д. В докладе Н. А. Артеменко «Тематизация сферы пассивности в феноменологии Э. Гуссерля и проблема интерсубъективного мира» была представлена концепция интерсубъективности Гуссерля, складывающаяся из анализа, главным образом, рукописного наследия, опубликованного в XIII-XVIII томах Гуссерлианы. В своем докладе Артеменко обратила внимание на то, что конституирование Другого происходит одновременно с конституированием Я в ходе изначального пассивного генезиса. Именно в этой сфере в ходе осуществления пассивной интенциональности, понимаемой как первичный порыв, до реального рождения моего индивидуального Я, происходит трансцендентальное формирование Я, Другого, неразрывной пары Я и Другого. Эту сферу первичной пассивности Гуссерль называет сферой трансцендентального рождения, абсолютной субъективностью как полем интерсубъективного взаимодействия.

Предложенная в докладе концепция конституирования Другого, как справедливо заметила Артеменко, не вписывается в традиционную интерпретацию гуссерлевской интерсубъективности, основанную, прежде всего, на «Картезианских медитациях». Согласно традиционной интерпретации трансцендентальная субъективность является эгологической субъективностью. Это означает, что сначала Я конституирует себя самого как телесного индивида, затем — путем аналогизирующей апперцепции конституирует по своему подобию Другого. Такого понимания решения проблемы Другого у Гуссерля придерживался, на что обратила внимание Артеменко, Клаус Хельд. Артеменко подчеркивает, что для Хельда конституирование Другого в рамках гуссерлевской трансцендентальной феноменологии происходит

в рамках процессов активного синтеза, то есть осознанно и на основе конституирования моего Я.

В докладе Ф. Бергхофера «Трансцендентальная феноменология и естественные науки: объединение априорных идей и эмпирических данных» шла речь о взаимосвязи феноменологического и естественнонаучного методов исследования сознания. Под феноменологическим методом исследования Бергхофер прежде всего понимает исследование априорных закономерностей, которые схватываются в эйдетической интуиции. Естественнонаучный метод занимается изучением эмпирических данных. Основываясь на текстах Э. Гуссерля и Э. Штайн, Бергхофер выдвигает феноменологическую концепцию эмпирического обоснования, согласно которой эйдетическая интуиция требует подтверждения/опровержения со стороны эмпирических данных. На конкретных примерах из области современной экспериментальной психологии Бергхофер не только обосновывает это тезис, но и показывает, что в некоторых случаях, например, при исследовании феномена «слепого видения», именно усмотренное в эйдетической интуиции может объяснить адекватные эмпирические реакции.

И. Ремер в докладе «Мир и его бесконечное. Ласло Тенгели о проблеме феноменологической метафизики» представила проект феноменологической метафизики Л. Тенгели (1954 — 2014). Проект метафизики, предложенный Тенгели, можно назвать метафизикой опыта мира. Она основывается на двух моментах: на изначальных фактах опыта (прафактах), введенных Гуссерлем в его манускриптах, и на категориях согласования опыта, в которых нам дан мир/действительность. К прафактам Тенгели, вслед за Гуссерлем, относит: Я, Мир, интенциональное сосуществование с Другим, телеологический характер истории и явление являющегося. В качестве категорий согласования выступают следующие понятия: пространство, время, телесные субстанции, каузальность и пространственная бесконечность жизненного мира. Работу с категориями эксперимента Тенгели осуществляет в рамках введенной им концепции методологического трансцендентализма. Методологический трансцендентализм Тенгели противопоставляет, прежде всего, трансцендентальному идеализму, в котором действительность полностью зависит от сознания. Категории эксперимента, являясь категориями опыта, характеризуют реальную действительность, то есть мир, но мир ими не исчерпывается. Тенгели развивает тезис о принципиальной бесконечности мира. Согласно этому тезису, всегда возможен опыт, в котором мир открывается с принципиально новой

стороны, и это требует введения новых категорий опыта, поэтому система таких категорий никогда не может быть завершенной.

Доклад Ремер был встречен с большим интересом, и метафизика Тенгели вызвала много вопросов. Прежде всего, С. Катречко обратил внимание на то, что поскольку в концепции Тенгели речь идет о мире и его бесконечности, то его метафизику нельзя отнести к «дескриптивной метафизике» (термин П. Стросона) кантовского типа, которая описывает наше мышление/сознание о мире. Продолжая критическую линию по отношению к докладу Ремер, К. Колька выразила сомнения в правомерности рассмотрения метафизики как продолжения трансцендентально-феноменологической традиции Гуссерля, поскольку у Тенгели отсутствует рассмотрение трансцендентального сознания и не применяется метод феноменологической редукции. В ходе дискуссии участники Трансцендентального семинара пытались отстоять и трансцендентальный в смысле Канта и феноменологический в смысле Гуссерля статус метафизики Тенгели. Проект метафизики Тенгели, как и феноменологический проект, исключает непознаваемые вещи-сами-по-себе, соответственно принципиально возможно соответствие данного в опыте мира и действительного мира. Но о действительном мире мы можем что-то сказать только исходя из его данности в нашем опыте. Без осознанного обращения к опыту, которое отсутствует в спекулятивной метафизике, никакого учения о мире мы развивать не можем. И этот опыт для современного поколения феноменологов включает в себя и опыт сознания, и телесный опыт, и опыт мышления, и опыт коммуникации и т.д. Поэтому можно отнести трансцендентально-феноменологическую метафизику Тенгели к «дескриптивной метафизике» кантовского типа. Соответственно, в этом тезисе содержится и ответ на сомнения Кольки в феноменологическом характере (в гуссерлевском смысле) подхода Тенгели. Опыт согласования мира включает в себя опыт сознания, выделение всеобщих структур (категорий) маркирует переход в сферу трансцендентального сознания. Эта операция происходит в ходе рефлексии над опытом сознания, а переход в рефлексивную установку является одним из возможных пониманий феноменологической редукции, которого придерживалась, кстати, в своем докладе на Трансцендентальном семинаре Колька. В явной форме этот момент не был освещен в докладе Ремер, но можно сказать, что переход к трансцендентальному сознанию и методология феноменологической редукции имплицитно присутствуют в концепции феноменологической метафизики Тенгели.

Концепция развития современной философской метафизики была представлена в докладе А. Шнелля «Трансцендентальная феноменология и феноменологическая метафизика». Основным тезисом, который, по мнению Шнелля, характеризует современную феноменологическую метафизику, является утверждение: «мышление конституирует бытие, бытие фундирует мышление». Одной из важнейших задач феноменолога-метафизика является обоснование познания бытия и демонстрация того, как бытие фундирует мышление/сознание. Шнелль обращается к различным вариантам решения этой проблемы: к трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, к асубъективной философии Я. Паточки, к феноменологии прафактов Л. Тенгели, к концепции изначального времени И. Ремер, к феноменологии М. Ришира и предлагает собственный вариант дескриптивной метафизики. Шнелль подчеркивает разнонаправленность этих подходов. Так, в трансцендентальной феноменологии Гуссерля, по мнению Шнелля, делается акцент на том, что смысл являющемуся придает трансцендентальное сознание, а удостоверяется смысл в ходе приведения к очевидности; Паточка исследует асубъективную сферу являющегося; Тенгели отталкивается от прафактов опыта; Ремер, пытается найти трансцендентальное основание концепции Тенгели и приходит к постулированию изначального времени. Ришир развивает хайдеггеровское понимание трансцендентального путем введения понятия «трансцендентальной матрицы».

В докладе К. Кольки «Я являюсь, в действительности, трансцендентальным Эго, но не осознаю этого» были рассмотрены мотивы, побудившие Гуссерля к исследованию трансцендентального сознания, и вытекающая из них специфика трансцендентально-феноменологической установки. Колька развивает мысль, что взгляд Гуссерля как математика на развитие физики обусловил необходимость возвращения к изначальному смыслу естественных наук, который заключен в жизненном мире, и который можно достичь путем развития трансцендентальной феноменологии. Математизация физики и геометрии, по мнению Гуссерля, создает объективный мир без человека, мир, лишенный смысла, так как смысл усматривается только в непосредственном созерцании, которое осуществляется в жизненном мире. Путем феноменологической редукции объективного мира науки мы можем вернуться в изначальный мир непосредственного восприятия и сделать видимым происхождение научных истин. Здесь Колька дает перевод этого тезиса на язык современной аналитической философии: трансцендентальная феноменология

демонстрирует генезис «перспективы 3-го лица». Докладчик также обращается к особенностям феноменологической рефлексии, называя ее самосознанием. В ходе редукции мы заново конституируем прошлое, то есть с помощью рефлексии мы выявляем то, что раньше не замечали, а именно, процесс образования научных истин.

Доклад В. Молчанова «Коммуникация и метафизика. Различие реального и не-реального как основа коммуникативной практики» был посвящен исследованию роли коммуникативной практики в процессе конституции мира. Феномен коммуникации позволяет рассмотреть в качестве конститутивных элементов мира различие, суждение и пространство. Особую функцию в этом рассуждении принимает различие между реальным и не-реальным. Не-реальное рассматривается при этом как дополнение реального. Человеческая коммуникация основывается на множестве не-реальных коммуникаций. Поэтому докладчик делает вывод об иллюзорности представления о том, что можно жить только в реальном мире. Коммуникация представляет собой постоянный переход от реального к не-реальному и от не-реального к реальному.

Тема трансцендентально-феноменологического понимания мира, затронутая в докладах Ремер и Шнелля, нашла свое продолжение в докладах А. Сverdликова «Космологическая критика онто-теологии», А. Паткуля «Понятие наброска в контексте трансцендентального мира у Хайдеггера», А. Фролова «Жизненный мир и мезокосмос: феноменология Гуссерля и Мерло-Понти vs. натуралистическая эпистемология» и О. Мухутдинова «Феномен трансцендентальной субъективности и идея феноменологии в трансцендентально-практическом смысле». Философы, концепции которых анализировались в данных докладах, выступали против понимания мира только как совокупности пространственно-материальных предметов (или совокупности сущего, на языке Хайдеггера), то есть выступали против господства онто-теологического подхода к исследованию действительности. Отличительной чертой феноменологического понимания мира является его соотнесенность с человеком, изучение его, исходя из данности мира в опыте различного типа. Значит ли это, что «объективное», то есть независимое понимание мира отсутствует в феноменологическом подходе?

Концепция мира Хайдеггера была представлена в докладе А. Паткуля. Докладчик подчеркивал, что мир у раннего Хайдеггера обладает двумя важными характеристиками, позволившими Хайдеггеру назвать понятие мира

трансцендентальным: 1) мир обеспечивает возможность встречи для *Dasein* того или иного сущего и 2) мир позволяет *Dasein* трансцендировать, то есть выходить за пределы самого себя с целью постижения бытия. Однако у участников семинара возникло сомнение, что в данном случае Хайдеггер употребляет термин «трансцендентальный» в кантовском смысле. Один из возможных ответов на это сомнение заключается в том, что мир для Хайдеггера выступает условием возможности опыта трансцендирования *Dasein*, усматриваемым в рефлексивной установке, которую можно назвать трансцендентальной, но не в кантовском смысле, поскольку это условие находится вне субъекта (вне *Dasein*). Это значит, что Хайдеггер занимает трансцендентальную установку, скорее, в гуссерлевском, чем в кантовском смысле. Мы говорим о мире в трансцендентальном смысле, поскольку мир выступает априорным условием данности того или иного сущего в опыте *Dasein*. Но это также означает, что мир существует независимо от человеческого *Dasein*, независимо от субъекта. Несмотря на то, что в центре рассмотрения «раннего» Хайдеггера стоит *Dasein*, то есть человек, факт независимого и самостоятельного существования мира проступает и в такой характеристики мира как «набросок». Этому понятие было уделено особое место в докладе Паткуля. *Dasein* не может до конца и полностью трансцендировать в мир, поэтому он имеет мир перед собой в качестве наброска, то есть в качестве того или иного проекта. Паткуль в ходе дискуссии обратил внимание на то, что у Хайдеггера остается до конца не проясненным, чем определяется «набросок» мира: опытом самого *Dasein* или же наличием в самом мире возможности любого «наброска» мира.

Акцент на определение мира исходя из его независимого существования был сделан при рассмотрении космологического понятия мира в философии Финка в докладе А. Свердликова. Докладчик обратил внимание на то, что Финк выступает против рассмотрения мира исключительно в качестве регулятивной идеи разума, как у Канта, либо в качестве экзистенциала *Dasein*, как у Хайдеггера. В космологии Финка мир понимается как то, что предшествует отдельным вещам и выступает как нечто целостное. Мир, как целостность, является конечным, и это отличает космологию Финка от понимания мира в феноменологической метафизике Тенгели, в которой мир характеризуется как бесконечный. Свердликов показал, что Финк продолжает мысль Хайдеггера о том, мир является местом встречи с сущим. Докладчик считает, что тезис о самостоятельности мира более ярко выражен в философии позднего Хайдеггера, в которой в явном виде появляется исторический

размер бытия. В своем докладе Свердликов также обращает внимание на то, что Финк выступает против гипостазирования мира как объекта и приписывает ему полностью независимый от субъекта характер. Однако этот момент не был подробно освещен в докладе.

Совсем с другой стороны подошел к исследованию понятия мира А. Фролов в своем докладе «Жизненный мир и мезокосмос: феноменология Гуссерля и Мерло-Понти vs. натуралистическая эпистемология». Фролов представил позицию Фоллнера, который в отличие от Гуссерля, считает, что именно наука изучает действительный мир, который соразмерен человеческому опыту. Этот мир Фоллнер называет «мезокосмосом», миром средних размеров. Этот мир не является наглядным, но наглядность, по Фоллнеру, не есть критерий правильности научной теории. Научные теории не согласуются с данными непосредственного опыта, но они имеют обоснование со стороны практики, технологий, экспериментов. Фоллнер призывает доверять науке, а не непосредственному опыту, как это происходит в феноменологии, и не углубляться в наивное познание. Доклад Фролова интересен тем, что он воспроизводит в нашем современном контексте полемику о статусе научного знания, которая имела место в конце 19-го — начале 20-го века. И сегодня возражения научному сциентизму могут звучать следующим образом: научные теории содержат в себе идеализации, которые являются чисто сконструированными; эти конструкты могли бы быть иными; тогда научные теории могли бы выглядеть по-другому. И тогда окружающий нас мир техники, тоже возможно был бы другим. И сегодня, зная роль социального и личного моментов в принятии тех или иных теорий, невозможно утверждать, что научность определяется исключительно соответствием действительности.

Доклад О. Мухутдинова «Феномен трансцендентальной субъективности и идея феноменологии в трансцендентально-практическом смысле» был посвящен феноменологической интерпретации практической философии Канта. Как уже говорилось выше, Мухутдинов рассматривает понимание мира у Канта в свете его этики, и соответственно, исходит из понимания кантовского понимания мира как царства целей. Мухутдинов делает замечание, направленное против исключительно формальной интерпретации системы практической философии Канта. Формулировка категорического императива, которая требует рассматривать человека исключительно в качестве цели как таковой, указывает на материальный характер этики Канта. Предпосылкой системы практического разума, понимаемой в материальном смысле, является

феномен существования человека в мире. В докладе утверждается, что существует априорная корреляция между феноменом трансцендентальной субъективности и феноменом универсального горизонта всемирности человеческого существования. Это позволяет рассматривать феномен трансцендентальной субъективности из идеи практической свободы.

Доклад А. Шиян «Сознание в познавательной установке. К проблематике трансцендентального сознания у Эдмунда Гуссерля» был построен на отказе от выделения двух этапов в исследовательской деятельности Гуссерля и попытке представить единство его исследовательской программы. А. Шиян исходит из различения двух подходов к исследованию сознания: с одной стороны, сознание представляет собой познавательную деятельность, с другой — сознание является самодостаточной реальностью. Основным модусом сознания является восприятие, исследование восприятия осуществляется в акте рефлексии. Восприятие является актом пассивного синтеза, содержание восприятия становится в процессе познания темой возможных модификаций (уверенность, сомнение, представление в воображении и т.д.). Модификации восприятия позволяют вести речь об активности познавательного процесса и дают основание проводить аналогию между восприятием и суждением. Предпосылками феномена восприятия являются представление о независимо существующей материальной действительности и представление о ее познаваемости. Так устанавливается коррелятивное отношение между сознанием и материальным миром. Сознание является интенциональной деятельностью, эта деятельность предполагает существование определенных типологических структур осуществления нашего опыта. Потому, утверждает докладчик, предметы сознания формируются в процессе совместной деятельности и коммуникации.

Секционное заседание «Трансцендентальная эпистемология и философия науки» открыл доклад Н. И. Кузнецовой «Трансцендентализм и проблема «реализм vs конструктивизм (антиреализм)» в современной философии науки». Кузнецова исходила из тезиса, что для современных эпистемологов и философов науки Кант является непререкаемым авторитетом, на плечи которого нужно опираться и идти дальше. Прежде всего, Кант покончил с «гносеологической робинзонадой» и после него нельзя говорить о приобретении знания как об индивидуальном или личностном процессе. Наше познание всегда обусловлено некими общими формами и категориями, которые не являются собственностью отдельного индивида. Кантовский трансцендентализм задает нам

регулятивные принципы, которые позволяют решить проблему «конструктивизм — реализм» при обосновании статуса научного знания. Для Кузнецовой наиболее приемлемой является позиция, которую Лекторский обозначает как «конструктивный реализм»: научное знание является конструктом, который соответствует реальности. Однако, как замечает Кузнецова, здесь возникают проблемы с критерием истины. Как мы можем созерцать саму реальность, которая, в соответствии с Кантом, является вещью-самой-по-себе и не может быть дана в чувственном созерцании. Мы не можем вещать от имени объективной реальности! Выход из ситуации позволяет найти деятельностный критерий истины, предложенный М. А. Розовым. Наши научные конструкты истинны, то есть соответствуют реальности, если наше знание позволяет нам повторить операции, с помощью которых оно было получено. Для разъяснения этой мысли Кузнецова приводит пример Розова с минералом. В геологическом музее мы можем прочитать около экспоната «Мусковит, Родопы». С точки зрения Розова за этим названием стоят два деятельностных акта: 1) Этот минерал назван «мусковит»: 2) Этот минерал можно найти (был найден) в горах Родопы. Сама связь между «мусковитом» и «Родопами» установлена деятельностным образом. Первый из указанных актов позволяет установить «референцию» семиотически выраженного высказывания; второй — предъясняет то, что М. А. Розов назвал в свое время — одновременно с М. Вартофским — «репрезентатором». Второй акт отсылает к тому, что мы можем с «мусковитом» делать (например, найти его в Родопах). То, что мы можем осуществить эти деятельностные акты и означает, что геологическое знание соответствует реальности.

В докладе И. Д. Невважая «Трансцендентальные основания физической науки» делается попытка распространить учение Канта об априорных основаниях научного знания вообще на выявление априорных оснований конкретных научных теорий. В центре внимания докладчика находится механика Ньютона. Невважай показывает, что априорным основанием классической механики являются понятия абсолютного пространства и времени. Эти понятия являются конструктами разума, то есть фикциями в онтологическом плане. Но они позволяют в рамках ньютоновского подхода интерпретировать физические явления. Докладчик также замечает, что абсолютные пространство и время, задавая условия объяснения движения тел, сами являются безусловными и как безусловные имеют статус долженствования.

В своем докладе «О роли мыслимых экспериментов в философии сознания» В. П. Филатов показал, что к Канту восходит один из самых интересных

приемов, используемых в современной философии, особенно в аналитической философии сознания, — мысленный эксперимент. Анализируя различные понимания статуса и роли мысленных экспериментов в научном и философском знаниях, Филатов склоняется к точке зрения, что мыслимый эксперимент не дает нам новое знание, как считал Кун, а способствует новому пониманию и обоснованию уже имеющегося знания. На этом фоне не так неожиданно прозвучала идея главного организатора и вдохновителя всех четырех Трансцендентальных семинаров С. Л. Катречко, что вся трансцендентальная философия является мысленным экспериментом.

Одним из самых интригующих докладов на этой секции было выступление М. Д. Мирошниченко «Ничто, мыслимое никем: трансцендентальные горизонты энактивизма и обсервационной философии». Докладчик сопоставил подходы обсервационной философии сознания А. М. Пятигорского и современного энактивизма Ф. Варелы и У. Матураны. Общим между ними является акцент на промежуточном статусе познающего сознания/мышления, которое не принадлежит ни субъекту, ни объекту. В обеих концепциях познание отображает структуру познания: имеет место зависимость между тем миром, который нам дан в опыте, и тем, как устроены мы сами. Однако у Пятигорского, как показывает докладчик, трансцендентализм выражен более явно, чем у представителей энактивизма: безличный внутренний наблюдатель, рефлекс Z, у Пятигорского всегда остается одним и тем же при различных актах мышления, как и у Канта за всяким познавательным актом субъекта кроется безличный механизм единства апперцепции. В философии энактивизма такой общей структуры не обнаруживается, а можно лишь зафиксировать общий для всех живых существ процесс проживания познавательного контакта с миром, который протекает по принципу автопоэзиса.

В докладе Н. Ф. Державиной «О перспективах трансцендентальной эпистемологии» ярко и образно была представлена концепции биологической обусловленности и эволюции в ходе приспособления к окружающей среде кантовских априорных категорий рассудка и форм чувственности. Однако подход Лоренца подвергся жесткой критике участниками Трансцендентального семинара. Так, Катречко, показал, что позиция Лоренца не вписывается в общую установку кантовского трансцендентализма, поскольку априорные формы и категории не могут происходить и развиваться в ходе эволюционного приспособления к окружающей среде, поскольку это означает, что они возникают

из опыта, то есть апостериорно. Кроме того, мы не можем говорить о познании у животных, если имеем в виду одну лишь форму познания — чувственность. Однако здесь необходимо заметить, что как бы нам не казалась странной мысль о наличии познания у животных, она присутствует в некоторых современных концепциях, близких трансцендентализму. Так в знакативизме, чья концепция рассматривалась в докладе Мирошниченко, речь шла о том, что познающая жизнь — свойство любых живых организмов.

Большое внимание также привлекли доклады В. И. Пржиленского «Трансцендентализм: теоретическая и посттеоретическая философия», И. З. Шишкова «Концепция трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля» и В. Т. Мануйлова «Философия естествознания Канта».

Третий день семинара (20 апреля) был посвящен обсуждению следующих проблем трансцендентальной философии: трансцендентальной теологии и этике, предыстории и рецепции трансцендентализма в истории философии и трансцендентальной теории сознания (мастер-класс Д. Хогана в НИУ ВШЭ). Заседание секции трансцендентальной теологии проходило под знаком кантовского вопроса «Как возможна теология как наука?». Тон первого заседания задал доклад проф. С. Коначевой, в котором был дан очерк общей картины развития современной католической «трансцендентальной» мысли и определена перспектива использования трансцендентального метода в современной теологии. Поддержал и дополнил эту тематику доклад А. Кольцова (ПСТГУ), который был посвящен «феноменологической» теологии А. Райнаха. П. Мишагин выступил с докладом по проблеме кантовской концепции трансцендентальной свободы.

Следующее заседание семинара было посвящено теме «Трансцендентальная философия: от предыстории к современным рецепциям». В. Белов в докладе «Критический реализм против критического идеализма: критика когеновского идеализма В. Э. Сеземаном» вновь вернулся к проблематике идеализма-реализма, но уже в неокантианском преломлении. Представитель русского неокантианства начала 20-го века Сеземан критикует логический вариант субъективного идеализма Гегеля и Германа Когена. Белов рассматривает позицию Сеземана, представляющую собой особый вариант объективного или реал-идеализма, который включает в себя субъективный идеализм, но только в качестве одного из своих моментов. В этом подход Сеземана близок феноменологии Гуссерля, в рамках которой субъективизм преодолевается еще большим субъективизмом. У Сеземана достижение истинного бытия

осуществляется посредством самопознания субъекта. Истинное бытие для Сеземана имеет идеально-объективный характер. Это означает, что реализм Сеземана является объективным идеализмом, истоки которого лежат в философии Платона. Особое место в докладе было уделено сеземановской интерпретации платоновского наследия.

Неокантианская тематика была продолжена в докладе Н. Сторчеус «В. Виндельбанд: философия как высшее исследование высших ценностей». Сторчеус рассматривает две задачи стоящие перед концепцией культуры Виндельбанда: формирование будущего идеала культуры и понимание исторически данной культуры. Эта ситуация противоречия данного и заданного требует от философа, по убеждению Виндельбанда, обнаружения основной вневременной структуры всякого культурного творчества. Докладчица подробно остановилась на том, как в связи с поставленной задачей Виндельбанд понимает, применяет и развивает трансцендентальную методологию.

В рамках данного заседания также обсуждался вопрос об античных истоках кантовского трансцендентализма. В докладе Е. Земмури «Возникновение трансцендентальной проблематики в античной философии» была сделана попытка проследить развитие трансцендентальных познавательных форм от натурфилософии Фалеса до «первой философии» Аристотеля. Современная рецепция трансцендентализма была представлена в докладе М. Категова «Антиципации восприятия и поиск антропологического измерения «Критики чистого разума» Канта. В докладе основные достижения кантовской философии были рассмотрены сквозь призму феноменологической антропологии М. Хайдеггера, М. Шелера, М. Мерло-Понти. Проблема самосознания в кантовском трансцендентализме находилась в центре внимания доклада А. Гребенникова (НИУ ВШЭ) «От самосознания к самопознанию: перспектива трансцендентальной теории сознания». Докладчик обосновал тезис о невозможности отождествления самосознания с кантовским трансцендентальным единством апперцепции и поставил вопрос о возможности разработки кантовского понимания самопознания. Вопрос о необходимости переосмысления трансцендентального сознания у Канта в оптике языка на материале философии Гамана был поставлен в докладе А. Лызова «Трансцендентальное сознание vs. трансцендентальность языка: Кант и Гаман». В докладе Д. Попова «Анализ априорных структур чистого сознания Э. Гуссерля» анализировались структуры трансцендентально чистого сознания, выделяемые в феноменологии Гуссерля.

В завершение обзора хотелось бы отметить высокий уровень обсуждения основных проблем современной трансцендентальной философии. Предполагаемая тема пятого Трансцендентального семинара, который должен состояться в апреле 2020 г. — «Трансцендентальный метод и современная наука».